

**«ВОЗВРАЩЕНЦЫ» И «НЕВОЗВРАЩЕНЦЫ»
(О СУДЬБЕ СОВЕТСКИХ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ В 1944-1956 гг.)**

© 2013 В.Н. Земсков

Институт российской истории РАН, г.Москва

Поступила в редакцию 19.07.2012

Речь идет о судьбе около 5 млн. советских граждан (так называемых перемещенных лиц), оказавшихся вследствие войны 1941-1945 гг. за пределами СССР. В основном это были военнопленные и угнанные на принудительные работы в Германию гражданские лица («восточные рабочие»). Сюда же входили и отступившие с оккупантами с территории СССР их пособники. В статье показаны процессы возвращения (репатриации) в СССР из Германии и других стран подавляющего большинства советских перемещенных лиц и образования из меньшей их части так называемой «второй эмиграции». Особое место в этой публикации занимает развенчание отдельных укоренившихся мифов. Ключевые слова: Вторая мировая война, перемещенные лица, репатриация, репатрианты, военнопленные, возвращенцы, невозвращенцы, «восточные рабочие», беженцы, пособники, фильтрация, спецконтингент, рабочие батальоны, «вторая эмиграция», амнистия.

Вопрос о репатриации советских перемещенных лиц и их судьбе в Советском Союзе является одним из наименее изученных в исторической литературе. В СССР вплоть до конца 1980-х гг. вся документация по этому вопросу была строго засекречена. Отсутствие источниковой базы и, соответственно, объективной информации породило массу мифов и искаженных представлений вокруг этой проблемы.

Мифология, как правило, выстроена в самых мрачных и зловещих тонах. Это касается различных публикаций, издававшихся на Западе, и публицистики в нашей стране. Для того чтобы представить процесс репатриации советских граждан и его последствия в максимально жутком виде, используется исключительно тенденциозный подбор фактов, что само по себе уже является изощренным способом клеветы. В частности, смакуются подчас жуткие сцены насильственной репатриации личного состава коллаборационистских воинских частей, а соответствующие выводы и обобщения переносятся на основную массу советских перемещенных лиц, что в принципе неправильно. Соответственно этому и репатриация советских граждан, в основе которой, несмотря на все издержки, лежала естественная и волнующая эпопея обретения Родины миллионами людей, насильственно лишенных ее чужеземными завоевателями, трактуется как направление чуть ли не в «чрево дьявола». Причем и тенденциозно подобранные факты подаются в искаженном виде с заданной интерпретацией, буквально вынуждая читателя сделать абсурдный вывод, что репатриация советских перемещенных лиц осу-

ществлялась якобы только для того, чтобы их в Советском Союзе репрессировать, а других причин репатриации вроде бы и не было. На самом же деле была репрессирована сравнительно незначительная часть репатриантов (причем многие из них за конкретные тяжкие преступления, в том числе и военные), а подавляющее их большинство избежало репрессий.

В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам, среди которых особое место занимает документация образованного в октябре 1944 г. Управления Уполномоченного Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР по делам репатриации (это ведомство возглавил генерал-полковник Ф.И. Голиков, бывший руководитель военной разведки).

Проблема репатриации советских перемещенных лиц и их судьбы в СССР является сложной и противоречивой. Она содержит в себе большое число аспектов, многие из которых в рамках одной статьи невозможно осветить даже в самой лаконичной форме.

Ведомство, возглавляемое Ф.И. Голиковым, установило, что к концу войны осталось в живых около 5 млн. советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. Большинство из них составляли «восточные рабочие» («остарбайтер»), т.е. советское гражданское население, угнанное на принудительные работы в Германию и другие страны. Уцелело также примерно 1,7 млн. военнопленных, включая поступивших на военную или полицейскую службу к противнику. Сюда же входили десятки тысяч отступивших с немцами из СССР их пособников и всякого рода беженцев (часто с семьями). Всю эту массу людей принято называть «перемещенными лица-

Земсков Виктор Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: nokia6401@yandex.ru

ми». Из них более 3 млн. находилось в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.) и менее 2 млн. – в зоне действия Красной Армии за границей (Восточная Германия, Польша, Чехословакия и др.).

В начале ноября 1944 г. Ф.И. Голиков дал интервью корреспонденту ТАСС, в котором была изложена политика Советского правительства по вопросам репатриации советских граждан. В нем, в частности, говорилось: «...Люди, враждебно настроенные к Советскому государству, пытаются обманом, провокацией и т.п. отравить сознание наших граждан и заставить их поверить чудовищной лжи, будто бы Советская Родина забыла их, отреклась от них и не считает их больше советскими гражданами. Эти люди запугивают наших соотечественников тем, что в случае возвращения их на Родину они будто бы подвергнутся репрессиям. Излишне опровергать такие нелепости. Советская страна помнит и заботится о своих гражданах, попавших в немецкое рабство. Они будут приняты дома, как сыны Родины. В советских кругах считают, что даже те из советских граждан, которые под германским насилием и террором совершили действия, противные интересам СССР, не будут привлечены к ответственности, если они станут честно выполнять свой долг по возвращении на Родину»¹. Интервью Ф.И. Голикова впоследствии использовалось как официальное обращение Правительства СССР к военнопленным и интернированным гражданам.

Мы считаем своим долгом развеять имевший широкое хождение в западной литературе миф о неких «расстрельных списках», «расстрелах» части репатриантов якобы сразу же по прибытии в советские сборные пункты и лагеря. Причем ни разу не было приведено какого-нибудь бесспорного доказательства, и эта версия целиком строилась на всякого рода предположениях, домыслах и слухах, которые даже косвенными уликами признать сложно. Особенно преуспел в этом мифотворчестве Н. Толстой в своей книге «Жертвы Ялты», вышедшей в 1977 г. на английском языке (переиздана в 1988 г. в Париже на русском языке). Сочиненные им басни о «расстрельных списках» и «расстрелах» подчас имели такую видимость правдоподобия, что даже такие профессиональные историки, как М. Геллер и А. Некрич, попались на эту удочку и, ссылаясь на Н. Толстого, вполне серьезно написали: «Часть бывших советских пленных, доставленных на английских судах в Мурманск и Одессу, расстреливались войсками НКВД тут же в доках»². Разумеется, это утверждение бездоказательное и, более того, не соответствующее истине. Мы изучили весьма большой массив ис-

точников по проблеме репатриации советских граждан – достаточный для того, чтобы твердо заявить: «расстрельных списков» не существовало, это – миф. Для примера приведем ситуацию с распределением 9907 репатриантов, которых англичане доставили 6 ноября 1944 г. в Мурманск: 18 человек арестованы органами «Смерш»^{*} (только не для расстрела, а для ведения следствия), 81 больной помещен в мурманские госпитали и все остальные (естественно, живыми) направлены по двум адресам – в Таллиннский спецлагерь (ПФЛ) №0316 (Эстония) и Зашеекский ПФП в Карело-Финской ССР³. Отметим, что это были в основном лица, воевавшие на стороне немцев и попавшие летом 1944 г. в плен к англичанам в боях во Франции.

Коллаборационисты занимали сравнительно небольшой удельный вес в составе советских граждан, оказавшихся за пределами СССР. Подавляющее большинство советских граждан составляли лица, находившиеся в концлагерях, лагерях для военнопленных, арбайтлагерях, штрафлагерях и по месту жительства хозяев. Хотя они и подвергались усиленной идеологической обработке со стороны геббельсовской и власовской пропаганды, но эффект от этого был весьма слабый. Им не удалось привить чувство ненависти ни к советским руководителям, ни к их союзникам – англо-американским «плутократам». В их среде по-прежнему с удовлетворением воспринимались известия о победах Красной Армии и англо-американских войск. Этих людей, конечно, беспокоила вероятность того, что в случае возвращения в СССР у них могут быть неприятности по фактам расследования жизни и деятельности за границей, обстоятельств сдачи в плен и т.д., но больше всего их волновала совсем другая проблема: зная о негативном и подозрительном отношении правящих кругов СССР к «иностранщине» и к людям, побывавшим в ней, они опасались, что Советское правительство не разрешит им вернуться на Родину. Большинство советских перемещенных лиц боялось не того, что им не разрешат остаться на Западе, а того, что им не разрешат вернуться в Советский Союз.

Практика показала, что эти опасения оказались напрасными. Советский Союз, понесший огромные людские потери, был заинтересован в возвращении перемещенных лиц. Причем высшее советское руководство задалось целью возвратить их всех без исключения, невзирая на желание части этих людей остаться на Западе. Репатриация была *обязательной*. Договоренность об обязательной репатриации советских граждан была достигнута на Ялтинской встрече Сталина,

^{*} Военная контрразведка «Смерш» («Смерть шпионам»)

Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 г. Во время работы конференции 11 февраля 1945 г. были заключены двухсторонние советско-американское и советско-английское соглашения о взаимной репатриации советских, американских и английских граждан. Аналогичное соглашение с Францией было заключено 26 июня 1945 г.

Репатриация была обязательной только для советских граждан. Все прочие лица (белогвардейцы и др.) обязательной репатриации не подлежали. Имели место исключения из этого правила, но в основном оно соблюдалось. Самым значительным исключением из этого правила была выдача англичанами Советскому Союзу казачьей армии атамана Краснова, состоявшей преимущественно из белогвардейцев и использовавшейся немцами, в частности, в боевых действиях против югославских партизан.

В письме № 597/6 от 26 мая 1945 г. Л.П. Берия информировал И.В. Сталина и В.М. Молотова, что от англичан должно быть принято 40 тыс. человек, имея в виду красноармейских казаков. Никаких конкретных планов по их репрессированию тогда не существовало – они должны были пройти обычную для «спецконтингента НКВД» процедуру проверки и фильтрации. Планировалось направить их в лагеря, специально созданные в свое время для обслуживания угольной промышленности, в том числе 31 тыс. – в лагеря системы ОПФЛ* (Кизеловский ПФЛ №0302 – 12 тыс., Прокопьевский ПФЛ №0315 – 12 тыс., Кемеровский ПФЛ №0314 – 7 тыс.) и 9 тыс. офицеров и немецких инструкторов – в Прокопьевский лагерь №525 системы ГУПВИ**. Такое распределение означало, что казачьи офицеры рассматривались как «чужие» наравне со взятыми в плен немцами, венграми, румынами и т.д., а рядовые казаки приравнены к «своим», т.е. к советским гражданам, проходившим в ПФЛ «государственную проверку». Фактически же от англичан было принято 46 тыс. человек (включая членов семей), причем казачьих офицеров и немецких инструкторов оказалось меньше, чем ожидалось. Поэтому в Прокопьевский лагерь №525 ГУПВИ было направлено только около 5,5 тыс. человек, а в лагеря ОПФЛ – 40,5 тыс., из них в ПФЛ №0302 – 14 тыс., ПФЛ №0314 – 9,5 тыс. и ПФЛ №0315 – 17 тыс.⁴ Сам атаман Краснов и его ближайшее окружение впоследствии были приговорены к смертной казни.

Обязательность репатриации не следует понимать так, что чуть ли не все советские граждане были возвращены в СССР якобы вопреки их

желанию. Опираясь на многочисленные свидетельства (в частности, на такой массовый источник, как опросные листы и объяснительные записки репатриантов, а также донесения агентов и осведомителей НКВД, действовавших в лагерях перемещенных лиц), можно смело утверждать, что не менее 80% «восточников», т.е. жителей СССР в границах до 17 сентября 1939 г., в случае добровольности репатриации возвратились бы в СССР добровольно. Что касается «западников», т.е. жителей Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии, Правобережной Молдавии и Северной Буковины, то они существенно отличались от «восточников» по менталитету, морально-психологическому состоянию, политическим и ценностным ориентирам, и в их среде действительно значительно преобладали невозвращенцы. Те из них, кто оказался в зоне действий Красной Армии, были насильственно возвращены в СССР. «Западников», оказавшихся в западных зонах, англо-американцы с самого начала освободили от обязательной репатриации: они передали советским властям только тех «западников», которые сами этого хотели. Во время войны с Германией и в первые месяцы после ее окончания англо-американцы насильственно передавали Советскому Союзу «восточников»-невозвращенцев (преимущественно коллаборационистов), но с сентября-октября 1945 г. стали постепенно распространять принцип добровольности репатриации и на «восточников», окончательно перейдя на этот принцип с началом «холодной войны» (хотя и в 1946-1947 гг. имели место рецидивы насильственной выдачи перемещенных лиц в духе Ялтинских соглашений). По нашему мнению, если бы репатриация была добровольной, то численность советских граждан, не возвратившихся в СССР, составила бы не почти 0,5 млн., а, вероятно, около 1 млн. и вряд ли больше.

В период работы Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945 г.) союзники еще не признали новых границ СССР и для них основополагающим критерием в определении круга лиц, подлежащих обязательной выдаче советским властям, являлось *проживание до 1 сентября 1939 г. на территории СССР в его границах до этой даты*. На Потсдамской конференции (17 июля-2 августа 1945 г.) США и Великобритания официально признали новую западную границу СССР, но о распространении на «западников» принципа обязательной репатриации никакого решения не было принято. В последующем англо-американцы в определении понятия «советские граждане» применительно к перемещенным лицам продолжали пользоваться критериями, которыми они руководствовались при заключе-

* ОПФЛ – Отдел проверочно-фильтрационных лагерей НКВД СССР

** ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР

нии Ялтинских соглашений (например, в августе 1945 г. в ответ на требование советских представителей выдать насчитывавшую до 10 тыс. человек западноукраинскую дивизию СС «Галичина» англичане произвели проверку и установили, что только 112 человек из них являлись до 1 сентября 1939 г. подданными СССР; их-то англичане и передали советским властям в порядке выполнения Ялтинских соглашений об обязательной репатриации, а всех остальных, поскольку они не отвечали указанному критерию, отказались выдать). После Потсдамской конференции все попытки советской дипломатии убедить бывших союзников, что перемещенные лица из числа жителей Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии являются советскими гражданами и к ним применимы Ялтинские соглашения в плане насильственной репатриации, успеха не имели⁵.

Советским же руководством от обязательной репатриации были освобождены только две категории перемещенных лиц, являвшихся к 22 июня 1941 г. подданными СССР: 1) бессарабцы и буковинцы, оформившие румынское гражданство (таковых было более 4 тыс.); 2) женщины, вышедшие замуж за иностранцев и имевшие от них детей. Ведомство Ф.И. Голикова не смогло установить их точную численность. По нашим оценкам, в начале 1950-х гг. насчитывалось около 30 тыс. таких женщин.

В научной литературе и публицистике высказывалось немало мнений относительно того, почему англичане и американцы с явным энтузиазмом участвовали в насильственной выдаче Советскому Союзу сотен тысяч людей, которые не хотели и боялись туда возвращаться. Мнений много, но выпадает из поля зрения один важный аспект – это была грандиозная «этническая чистка» с целью недопущения образования в рамках западной цивилизации значительного русско-украинско-белорусского этнического массива.

Даже власти тех стран, где стояли советские оккупационные войска (Польша, Чехословакия и др.), проявляли явную заинтересованность в том, чтобы, используя принцип обязательной репатриации, как можно больше передать советским властям лиц, проживающих в их странах и являвшихся в прошлом гражданами СССР. Происходила «зачистка» от «иностраннных элементов». Польские, чехословацкие и австрийские власти даже охотно доставляли на советские сборные пункты состоящих в браке с местными жителями советских женщин, а там, на сборных пунктах, толком не знали, как с ними поступать. Эта проблема даже стала фигурировать в квартальных планах работы ведомства Ф.И. Голикова. Так, в плане на второй квартал 1950 г. было

записано: «Поставить на решение МИДа СССР вопрос о порядке репатриации в СССР женщин, состоящих в фактических браках с иностранцами, поскольку местные правительства эти браки не признают и права проживания на территории Польши, Чехословакии и Австрии не предоставляют, а в принудительном порядке доставляют их на сборный пункт»⁶. За этими действиями отчетливо просматривалось стремление властей Польши, Чехословакии и Австрии свести к самому минимальному уровню наличие русско-украинско-белорусского этнического компонента в национальном составе населения своих стран.

К началу 1950-х гг. страны, где стояли советские войска, были основательно «очищены» от советских перемещенных лиц. Например, на территории ГДР осталось только 150 советских граждан, из них женщин, вступивших в брак с немецкими гражданами и имевших от этого брака детей, – 61; больных, престарелых и нетранспортабельных – до 80 человек; несколько детей-сирот советского подданства, усыновленных немцами⁷. К этому же времени почти полностью была «очищена» от перемещенных граждан СССР и советская зона оккупации Австрии, за исключением 35 женщин, вступивших в брак с австрийскими гражданами и имевших от них детей⁸.

Массовая передача союзниками весной и летом 1945 г. советских граждан-«восточников» отнюдь не означала, что они никого из них не оставляли у себя. Уже в августе 1945 г. Управление Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации располагало сведениями, что в лагерях перемещенных лиц американские и английские службы развернули настоящую «охоту за умами». Из числа «восточников» вычленились профессора, доценты, доктора и кандидаты наук, конструкторы, технологи, инженеры и другие специалисты, с которыми велась активная агитационная работа с целью склонить их к отказу от возвращения в СССР. Это происходило одновременно с насильственной передачей англо-американцами в руки НКВД власовцев, национальных легионеров и др., которые в массе своей имели начальное или неполное среднее школьное образование и, следовательно, были не способны усилить интеллектуальный потенциал западного мира.

Основная масса репатриантов проходила проверку и фильтрацию во фронтовых и армейских лагерях и сборно-пересыльных пунктах (СПП) Наркомата обороны (НКО) и проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) НКВД; часть военнопленных – в запасных воинских частях. Выявленные преступные элементы и «внушавшие подозрение» обычно направлялись для более тщательной проверки в спецлагеря НКВД, переименованные в феврале 1945 г. в

проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ) НКВД, а также в исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) ГУЛАГа. Лица, проходившие проверку и фильтрацию в лагерях, СПП и запасных частях НКО и ПФП НКВД, в отличие от направленных в ПФЛ и ИТЛ, не являлись спецконтингентом НКВД. Большинство репатриантов, переданных в распоряжение НКВД (спецконтингент), составляли лица, запятнавшие себя прямым сотрудничеством с чужеземными завоевателями и подлежавшие по закону за переход на сторону противника в военное время самому суровому наказанию, вплоть до смертной казни. Однако на практике они отделялись чаще всего 6-летним спецпоселением и не привлекались к уголовной ответственности.

Согласно инструкциям, имевшимся у начальников ПФЛ и других проверочных органов, из числа репатриантов подлежали аресту и суду следующие лица: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», «русской освободительной армии», национальных легионов и других подобных организаций; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных организаций, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной Армии, добровольно перешедшие на сторону противника; бургомистры, крупные фашистские чиновники, сотрудники гестапо и других немецких карательных и разведывательных органов; сельские старосты, являвшиеся активными пособниками оккупантов⁹.

По статистике ведомства Ф.И. Голикова, к 1 марта 1946 г. было репатрировано 5352963 советских гражданина (3527189 гражданских и 1825774 военнопленных). Однако из этого числа следует вычесть 1153475 человек (867176 гражданских и 286299 военнопленных), которые фактически не являлись репатриантами, так как не были за границей. Их правильнее называть внутренними перемещенными лицами (имеется в виду перемещение внутри СССР). Среди них преобладали «восточники», которых во время войны по разным причинам судьба забросила в Прибалтику, Западную Украину, Западную Белоруссию и другие западные районы СССР. 831951 внутренних перемещенных лиц (165644 мужчины, 353043 женщины и 313264 ребенка) было направлено к месту жительства (831635 гражданских и 316 военнопленных), 254773 – призвано в армию (26705 гражданских и 228068 военнопленных) и 66751 – спецконтингент НКВД (8836 гражданских и 57915 военнопленных)¹⁰.

Таким образом, в действительности на 1 марта 1946 г. насчитывалось 4199488 репатриантов

(2660013 гражданских и 1539475 военнопленных), из них 2352686 поступило из зон действия союзников, включая Швейцарию (1392647 гражданских и 960039 военнопленных) и 1846802 – из зон действия Красной Армии за границей, включая Швецию (1267366 гражданских и 579436 военнопленных)¹¹. Их национальный состав представлен в табл. 1, а результаты проверки и фильтрации – в табл. 2.

Период массовой репатриации фактически завершился в первой половине 1946 г. В дальнейшем она резко пошла на убыль. За время с 1 марта 1946 по 1 июля 1952 г. было репатрировано только 105547 человек. Всего, таким образом, начиная с середины 1944 г. и до 1 июля 1952 г. в СССР было возвращено 4305035 перемещенных лиц. Динамика их репатриации в 1944-1952 гг. из Германии и других стран приведена в табл. 3.

Во время войны освобожденные из вражеского плена военнослужащие в большинстве случаев после непродолжительной проверки восстанавливались на военной службе, причем рядовой и сержантский состав, как правило, – в обычных воинских частях, а офицеры лишались офицерских званий, и из них формировались офицерские штрафные батальоны. В послевоенное время, как отмечалось в мартовском (1946 г.) отчете Управления Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, «освобожденные офицеры направлялись в лагеря НКВД и запасные части Главуправформа (Главное Управление формирования. – В.З.) Красной Армии для более тщательной проверки и установления категории. После проверки ни в чем не замешанные направлялись в войска для дальнейшего прохождения службы или увольнялись в запас. Остальные направлялись по назначению НКВД («Смерш»)¹². К 1 марта 1946 г. среди военнопленных репатриантов было учтено 123464 офицера (311 полковников, 455 подполковников, 2346 майоров, 8950 капитанов, 20864 старших лейтенанта, 51484 лейтенанта и 39054 младших лейтенанта)¹³.

После войны военнопленные рядового и сержантского состава, не служившие в немецкой армии или изменнических формированиях, были разбиты на две большие группы по возрастному признаку – демобилизуемые и недемокбилизуемые возраста. В 1945 г. после увольнения из армии в запас красноармейцев тех возрастов, на которые распространялся приказ о демобилизации, вслед за ними были отпущены по домам и военнопленные рядового и сержантского состава соответствующих возрастов. Военнопленные рядового и сержантского состава недемокбилизуемых возрастов подлежали восстановлению на военной службе, но поскольку война закончилась и государству теперь больше требовались рабочие, а не солдаты, то в соответствии со специальным постановлением Госу-

Таблица 1. Национальный состав репатриированных советских граждан
(по состоянию на 1 марта 1946 г.)*

Национальность	Всего	В том числе	
		гражданские	военнопленные
Русские	1631861	891747	740114
Украинцы	1650343	1190135	460208
Белорусы	520672	385896	134776
Литовцы	50396	47377	3019
Латыши	35686	32230	3456
Эстонцы	14980	12231	2749
Молдаване	36692	31598	5094
Евреи	11428	6666	4762
Грузины	33141	7600	25541
Армяне	25063	4406	20657
Азербайджанцы	24333	2348	21985
Татары	43510	11332	32178
Узбеки	31034	1446	29588
Казахи	26903	2455	24448
Киргизы	6249	1950	4299
Таджики	4711	453	4258
Туркмены	3968	177	3791
Калмыки	6405	2318	4087
Башкиры	5793	1215	4578
Поляки	53185	50483	2702
Карелы	3441	1247	2194
Финны	4705	4122	583
Ингерманландцы	43246	43246	–
Другие:	173156	138651	34505
Из них представители коренных народов СССР (удмурты, мордва, осетины, кабардинцы, чеченцы, ингуши и др.)	97560	65974	31586
Представители некоренных народов (немцы, греки, болгары, румыны и др.)	75596	72677	2919
ИТОГО	4440901	2871329	1569572

* ГАРФ. Ф.9526.Оп.4а. Д.1. Л.226-229. В эту статистику вошли все репатрианты (4199488), а также 241413 внутренних перемещенных лиц (211316 гражданских и 30097 военнопленных).

дарственного Комитета Обороны от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»¹⁴ из них были сформированы рабочие батальоны НКО. Кроме того, из числа гражданских репатриантов в эти батальоны были зачислены мужчины недеобилизуемых возрастов, которым по закону надлежало служить в армии (в рабочие батальоны зачислялись те, кто в 1941 г. уже находился в призывном возрасте; те же, кто в 1941 г. находился в допризывном возрасте, а теперь достиг его, призывались на военную службу на общих основаниях). Отправка по месту жительства зачисленных в рабочие батальоны НКО ставилась в зависимость от будущей демобилизации из армии военнослужащих срочной службы соответствующих возрастов.

Тем же постановлением ГКО от 18 августа 1945 г. был узаконен перевод на спецпоселение сроком на 6 лет лиц, служивших в армиях противника, изменнических формированиях, полиции и т.п. Это касалось основной массы «спецконтингента», содержавшегося в ПФЛ и ИТЛ. Такое решение было для этих людей подлинным спасением, так как согласно статье №193 тогдашнего Уголовного кодекса РСФСР за переход военнослужащих на сторону врага в военное время предусматривалось только одно наказание – смертная казнь с конфискацией имущества. Статья №193 к ним не применялась*, и этот коллабо-

* Статья 193 не применялась даже к генералу А.А. Власову, командующему изменнической «Русской освободительной армией» (РОА). Он был приговорен к смертной казни по совокупности политических преступлений на основании статей 58-1, 58-8, 58-9, 58-10 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР / Правда. 1946. 2 августа

Таблица 2. Результаты проверки и фильтрации репатриантов (по состоянию на 1 марта 1946 г.)*

Категории репатриантов	Всего		В том числе			
	чел.	в %	гражданские		военнопленные	
			чел.	в %	чел.	в %
Направлено по месту жительства**	2427906	57,81	2146126	80,68	281780	18,31
Призвано в армию	801152	19,08	141962	5,34	659190	42,82
Зачислено в рабочие батальоны НКО	608095	14,48	263647	9,91	344448	22,37
Передано в распоряжение НКВД (спецконтингент)	272867	6,50	46740	1,76	226127	14,69
Находилось на сборно-пересыльных пунктах и использовалось на работах при советских воинских частях и учреждениях за границей	89468	2,13	61538	2,31	27930	1,81
ИТОГО	4199488		2660013		1539475	

* ГАРФ. Ф.9526. Оп.3. Д.53. Л.175; Оп.4а. Д.1. Л.62, 70, 223.

**Включая репатриантов – немцев (советских граждан), крымских татар, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и некоторых других, направленных на спецпоселение. Репатриированных из Финляндии ингерманландцев, вопреки обещаниям отправить их на родину в Ленинградскую область, насильственно расселили в Великолукской, Калининской, Ярославской, Псковской и Новгородской областях. Репатрианты, умершие в период нахождения их в лагерях, сборно-пересыльных, проверочно-фильтрационных и других сборных и проверочных пунктах, включены в число направленных к месту жительства.

рационалистский контингент направлялся на 6-летнее спецпоселение без привлечения к уголовной ответственности. В течение 1952-1955 гг. эти лица были поэтапно освобождены из спецпоселения.

По данным на 1 января 1952 г., ведомство Ф.И. Голикова определяло численность так называемой «второй эмиграции» в 451561 чел. (в это число не вошли бывшие советские немцы, ставшие гражданами ФРГ, бессарабцы и буковинцы, принявшие румынское подданство, и некоторые другие), среди которых было 144934 украинца (32,1%), 109214 латышей (24,2%), 63401 литовец (14,0%), 58924 эстонец (13,0%), 31704 русских (7,0%), 9856 белорусов (2,2%) и 33528 прочих (7,5%). Среди украинцев и белорусов преобладали выходцы из западных областей Украины и Белоруссии. Расселение «вторых эмигрантов» по странам мира выглядело в начале 1952 г. так: Западная Германия – 84825, западные зоны Австрии – 18891, Англия – 100036, Австралия – 50307, Канада – 38681, США – 35251, Швеция – 27570, Франция – 19675, Бельгия – 14729, Аргентина – 7085, Финляндия – 6961, Бразилия – 3710, Венесуэла – 2804, Голландия – 2723, Норвегия – 2619, другие страны – 36694 человека¹⁵.

«Вторая эмиграция» более чем на $\frac{3}{4}$ состояла из «западников» и менее чем на $\frac{1}{4}$ – из «восточников». Это было следствием производимого англо-американцами строгого селекционно-

го отбора. Литовцы, латыши, эстонцы, а также западные украинцы (в первую очередь бывшие подданные Австро-Венгрии и их потомки) и в меньшей степени – западные белорусы и жители Правобережной Молдавии признавались составной частью европейской цивилизации, тогда как практически все остальные выходцы из СССР считались азиатами или полуазиатами, т.е. представителями другой цивилизации. К тому же «западники» в своей массе не рассматривались как носители советской идеологии (этим они «выгодно» отличались от «восточников» при указанном селекционном отборе). По целому ряду мотивов цивилизационного, политического и идеологического характера англо-американская администрация лагерей перемещенных лиц и западные миграционные службы рассматривали советских граждан – «восточников» как человеческий материал, весьма нежелательный и недостаточно пригодный для ассимиляции в западном мире.

Поскольку в составе «второй эмиграции» численно преобладали прибалты и западные украинцы, то именно они определяли её политическое лицо. Свое невозвращение на родину они, как правило, объясняли не только «русской оккупацией», но и неприятием советского общественного и государственного строя и даже самого государственного образования в виде СССР. Их невозвращенческая позиция покоилась на четырех

Таблица 3. Динамика репатриации советских граждан (1944-первая половина 1952 г.)*

Страны	Всего	В том числе				
		1944	1945	1946	1947 (январь-июнь)	Июль 1947- июнь 1952
Германия	3222545	–	3013133	179807	12324	17281
советская зона**	1025552	–	834022	168853	10810	11867
английская зона	1073545	–	1064352	5243	898	3052
американская зона	1039032	–	1031590	5011	532	1899
французская зона	84416	–	83169	700	84	463
Австрия***	332792	–	325508	1632	334	5318
советская зона	330260	–	325508	–	–	4752
английская зона	1085	–	–	688	120	277
американская зона	1160	–	–	799	158	203
французская зона	287	–	–	145	56	86
Румыния	137856	68068	65272	1635	225	2656
Франция	123267	–	120422	2132	368	345
Польша	102278	–	86953	1142	2801	11382
Финляндия	101359	73754	27387	123	–	95
Норвегия	84777	–	84362	413	–	2
Италия	54350	7215	45749	670	438	278
Чехословакия	42706	835	34665	5155	293	1758
Англия	27967	9907	16416	493	82	1069
Югославия	26268	706	24866	451	2	243
Бельгия	13614	–	12122	899	26	567
Швейцария	9872	–	9807	61	–	4
Дания	7835	–	7470	272	66	27
США	4070	–	3950	118	–	2
Болгария	3806	629	3053	32	41	51
Венгрия	3429	–	3259	–	–	170
Швеция	3409	1289	1894	81	8	137
Греция	1404	–	1402	–	–	2
Албания	824	–	805	19	–	–
Голландия	333	–	226	61	3	43
Люксембург	77	–	–	77	–	–
Египет	29	–	–	–	18	11
Другие страны****	105	–	–	–	–	105
Итого	4305035	162403	3888721	195273	17029	41609

* ГАРФ. Ф.5446. Оп.86а. Д.12345. Л.81-82; Ф.9526. Оп.4. Д.33. Л.120.

** В число репатрированных из советской зоны оккупации Германии включены 139266 человек, относительно которых в источниках не указано, из каких стран они прибыли.

*** В сведениях за 1945 г. советские граждане, поступившие из западных зон Австрии, учтены вместе с репатрированными из советской зоны.

**** Венесуэла – 28, Аргентина – 22, Канада – 16, Южно-Африканский Союз – 9, Индокитай – 7, Палестина – 7, Австралия – 4, Уругвай – 4, Испания – 3, Алжир – 3 и Индия – 2 репатрианта.

основных постулатах – национализме, антикоммунизме, антисоветизме и русофобии.

Факт образования новой антисоветской эмиграции был налицо. Однако Ф.И. Голиков и

сотрудники его аппарата, т.е. до упразднения их ведомства в начале 1953 г., упорно не желали его признавать, тщательно избегали в своих отчетах терминов «эмиграция» и «эмигранты», называ-

ли не возвратившихся в СССР перемещенными лицами, временно находящимися за границей, запуганными антисоветской пропагандой, многие из которых при умелой и постоянной пропагандистской работе с ними, безусловно же, вернутся на родину. Такие оценки применительно ко времени, начиная с 1947 г. и в последующие годы, в принципе неверные. Те, кто хотел вернуться, в массе своей вернулись в 1945-1946 гг., а те примерно 0,5 млн. чел., которые в 1947 г. оставались за пределами СССР, в массе своей являлись ярко выраженными эмигрантами, с эмигрантской психологией, со специфической эмигрантской ментальностью и т.п.

В 1951 г. представители Управления репатриации установили личную связь с 2014 перемещенными советскими гражданами, проживающими в капиталистических странах. Невозвращенцы не всегда были искренни в разговорах с официальными советскими представителями, но тем не менее из неоднократных бесед с ними были выявлены причины, мешающие им возвратиться на родину: враждебное отношение к Советскому Союзу – 806 чел. (40,0%); сожительство с иностранцами – 288 чел. (14,3%); боязнь ответственности за длительное пребывание за границей – 363 чел. (18,0%); ожидают писем с родины и в зависимости от этого примут решение о возвращении в СССР – 54 чел. (2,7%); желают возвратиться на родину, но ссылаются на такие причины, которые якобы задерживают их, как-то: получение зарплаты, болезнь членов семьи, приобретение одежды и т.п. – 113 чел. (5,6%) и не установлены причины – 390 чел. (19,4%)¹⁶.

Эти данные весьма относительные, и к ним следует относиться с осторожностью. У сотрудников Управления репатриации были весьма веские основания подозревать, что в разговорах с американскими и английскими чиновниками многие из тех же самых перемещенных лиц совсем по-другому излагают причины своего отказа от возвращения в СССР, и там процент таких причин политического, антисоветского характера получается не 40%, а намного выше.

Тем не менее результаты этого своего рода социологического исследования, проведенного в 1951 г. сотрудниками ведомства Ф.И. Голикова среди перемещенных лиц, весьма примечательны во многих отношениях. Вот эти 40%, заявивших о своем отказе возвращаться на родину из-за «враждебных отношений к Советскому Союзу», можно считать людьми, которые, образно говоря, вполне осознанно сожгли за собой мосты, отрезали себе путь назад на родину. Остальные же 60%, называвших другие причины

(большой частью бытового характера или боязнь ответственности за долгое пребывание за границей) или же вообще не назвавших причины невозвращения в СССР, можно назвать людьми, которые еще на тот момент не решались сжечь за собой все мосты, оборвать совсем ниточку, связывающую их с родиной.

На основании вышеприведенных данных Управление репатриации в своем сводном отчете (1952 г.) сделало чересчур оптимистичский и, разумеется, неверный вывод: «До 60% всех находящихся за рубежом советских граждан составляет тот контингент, который после соответствующей с ним работы должен был вернуться на Родину»¹⁷. Безусловно, в этом вопросе советское руководство находилось тогда в состоянии между иллюзией и самообманом, ибо совершенно нереальны были надежды на добровольную репатриацию, по крайней мере не менее 80% состава «второй эмиграции», так как этот контингент можно назвать окончательно и бесповоротно невозвращенческим, и любая репатриационная пропаганда здесь была бессильна.

Из того, что нам известно о морально-психологическом состоянии и ментальности в рядах «второй эмиграции», следует, что лишь сравнительно небольшая прослойка (порядка 6-8%) была предрасположена в 1953-1955 гг. к возвращению на родину, но при условии, если руководство СССР даст твердые гарантии неприменения к ним каких-либо репрессий, а также разрешит въезд в СССР иностранных членов их семей. А вот политическое руководство СССР в середине 1950-х гг. серьезно заблуждалось на этот счет, полагая, что предоставление таких гарантий в виде объявления амнистий приведет к возвращению большинства находящихся за рубежом советских перемещенных лиц.

В 1954 г. председатель КГБ СССР И.А. Серов направил в ЦК КПСС записку с предложениями о желательности амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период войны. Необходимость этого мероприятия обуславливалась, по мнению автора, тем обстоятельством, что за рубежом находится до 500 тыс. «невозвращенцев» – бывших граждан СССР, которые в случае возникновения военного конфликта между СССР и США могли бы быть использованы противником в своих интересах. В целях «разложения антисоветской эмиграции», привлечения бывших соотечественников в СССР и предлагалось объявить амнистию даже тем, кто во время войны служил в вооруженных силах и полиции Германии и участвовал в военных действиях. Для

бывших командиров власовцев и других специальных воинских формирований фашистов, в случае их добровольного возвращения, предлагалось назначить максимальное наказание не выше 5 лет ссылки; были определены и места расселения для них – Сибирь, Казахстан, Приуралье, верховья реки Камы¹⁸.

Эти предложения председателя КГБ СССР после проработки в ЦК КПСС и легли в основу Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». Он состоял как бы из двух частей, и в нем расписывались условия амнистии отдельно для осужденных и отбывающих наказание в СССР и для находящихся за границей перемещенных лиц. В части, касающейся последних, Указ гласил:

«7. Освободить от ответственности советских граждан, находящихся за границей, которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

Освободить от ответственности и тех ныне находящихся за границей советских граждан, которые занимали во время войны руководящие должности в созданных оккупантами органах полиции, жандармерии и пропаганды, в том числе и вовлеченных в антисоветские организации в послевоенный период, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью в пользу Родины или явились с повинной.

В соответствии с действующим законодательством рассматривать как смягчающее вину обстоятельство явку с повинной находящихся за границей советских граждан, совершивших в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. тяжкие преступления против Советского государства. Установить, что в этих случаях наказание, установленное судом, не должно превышать пяти лет ссылки.

8. Поручить Совету Министров СССР принять меры к облегчению въезда в СССР советским гражданам, находящимся за границей, а также членам их семей, независимо от гражданства, и их трудоустройству в Советском Союзе»¹⁹.

По нашим оценкам, в соответствии с духом и буквой Указа от 17 сентября 1955 г. из-под различных форм репрессирования выводилось свыше 95% состава «второй эмиграции», а лиц, которым (в случае их возвращения на родину) угрожалo наказание в виде ссылки до 5 лет, было не более 5%. И тем не менее лелеемая политическим руководством СССР идея массового возвращения перемещенных лиц оказалась иллюзорной. Здесь недооценивались и степень их

адаптированности в различных странах, и многое другое. И, конечно, недооценивалась степень их *недоверчивости*. Перемещенные лица в массе своей восприняли Указ от 17 сентября 1955 г. как обман (хотя на самом деле обмана не было). Николай Краснов, внучатый племянник атамана Краснова, пообщавшись в 1956 г. с представителями и белой эмиграции, и «второй эмиграции», убедился, как он написал в своих воспоминаниях, что Указу об амнистии «почти никто не поверил»²⁰. Даже многие из той немногочисленной группы, которые в 1955-1956 гг. вернулись в СССР, не были уверены, что здесь отсутствует обман, и попросту решили рискнуть.

Поэтому ожидаемого политическим руководством СССР эффекта разложения «второй эмиграции» не получилось. В последние месяцы 1955 г. и в 1956 г. наблюдался всплеск возвращения в СССР бывших перемещенных лиц, но это были только тысячи людей, а ведь предполагалось, что они будут прибывать сотнями тысяч. Этот незначительный возвращенческий поток, разумеется, никак не мог ослабить эту эмиграцию. Политическое руководство СССР вынуждено было смириться с печальным для него фактом образования и существования еще одной антисоветской эмиграции («второй») вдобавок к «первой» (белой) антисоветской эмиграции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда. 1944. 11 нояб.

² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. London, 1986. С.498.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.9526. Оп.1. Д.21. Л.10-11.

⁴ Там же. Ф.9401. Оп.1а. Д.191. Л.125-126; Оп.2. Д.96. Л.169.

⁵ Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С.200-201, 242.

⁶ ГАРФ. Ф.5446. Оп.80а. Д.11963. Л.27-28.

⁷ Там же. Ф.9526. Оп.4а. Д.7. Л.68.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф.9408. Оп.1. Д.1. Л.31-34.

¹⁰ Там же. Ф.9526. Оп.3. Д.53. Л.175, 270-271; Оп.4а. Д.1. Л.62, 223, 226.

¹¹ Там же. Оп.4а. Д.1. Л.62, 223-226.

¹² Там же. Л.106.

¹³ Там же. Л.226-228.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.644. Оп.1. Д.457. Л.194-198.

¹⁵ ГАРФ. Ф.9526. Оп.4а. Д.7. Л.5-6.

¹⁶ Там же. Ф.5446. Оп.86а. Д.12345. Л.44.

¹⁷ Там же. Ф.9526. Оп.4а. Д.7. Л.7.

¹⁸ Реабилитация: как это было: Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы, март 1953-февраль 1956. М., 2000. С.406.

¹⁹ Правда. 1955. 25 сент.

²⁰ Краснов Н.Н. Незабываемое. 1945-1956. М., 2002. С.219.

**«RETURNEES» AND «DEFECTORS»
(THE FATE OF SOVIET DISPLACED PERSONS IN 1944-1956)**

© 2013 V.N. Zemskov

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow

The article is devoted to the fate of about 5 millions of Soviet people (displaced persons), who were dwelt abroad after the World war II. In most cases they were the war prisoners, and civilians who were driven away to forced labor to Germany (so-called «Ostarbeiters»), and the collaborationists who retreated from the Soviet territory together with the German occupants. The author traces the processes of returning (repatriating) of the majority of the displaced persons to the USSR and the fate of minority who formed the «second wave» of Russian ñmigrñs abroad. The paper is also aimed to disprove some historical myths about the displaced persons.

Key words: World war II, displaced persons, repatriation, repatriants, war prisoners, returnees, defectors, «Ostarbeiters», refugees, collaborationists, filtration camps, prisoners, labor battalions, «second wave» of Russian emigration, amnesty.